

— С какой стати я должен тебя слушать? — возразил Юй Хаохуай.

— Я сказал, едь вперед, — повторил Чжоу Сюэжун.

Никто из них не хотел уступать, и эта бессмысленная перепалка вызывала у Сюй Минлана лишь досаду. Сдерживая раздражение, он мягко попытался уговорить их:

— Ну что за время для споров? Едем вперед, чтобы посмотреть, есть ли другой путь. Ты сам выбрал левую дорогу на развилке, а теперь давай проверим, что справа. Это же логично.

Юй Хаохуай достал карту и, указывая на нее, заявил:

— Здесь все четко обозначено. Эта дорога ведет к прибрежной зоне с водными аттракционами, кроме моря там еще и домик на дереве. Я же за рулем машины, а не катера!

Чжоу Сюэжун внезапно вышел из машины, открыл дверь водителя и, вытащив Юй Хаохуая, прошептал ему на ухо:

— У меня нет времени на твои пререкания. Если будешь продолжать, пеняй на себя.

Юй Хаохуай усмехнулся и тоже шепотом ответил:

— И что ты сделаешь? Убьешь меня? Как тех людей? Давай, здесь, кроме нас семерых, никого нет. Убей меня, и никто тебя не накажет.

— Думаешь, ты нашел на меня управу? — презрительно ухмыльнулся Чжоу Сюэжун, глядя на него свысока. — Ты сам-то знаешь, что все это время врал, офицер Юй?

Уголок рта Юй Хаохуая дернулся, и его обычно спокойное лицо на мгновение исказилось.

— Что ты сказал...

— Не торопись отрицать, это удел тех, кто чувствует себя виноватым, — отступив на полшага, Чжоу Сюэжун стряхнул пыль с груди Юй Хаохуая и улыбнулся без тени теплоты.

Вернувшись в машину, Юй Хаохуай на этот раз без лишних слов послушно повел машину вперед. Сюй Минлан удивился, не понимая, что именно сказал Чжоу Сюэжун, чтобы Юй Хаохуай так смирился, и лишь подумал: «Каждому найдется свой укротитель».

Чжоу Сюэжун же, улыбаясь, подсел к Сюй Минлану и сказал:

— Я молодец, да?

Сюй Минлан, слегка смутившись, из вежливости поддержал разговор:

— Да, что ты ему сказал?

— Я пригрозил, что если он будет продолжать злиться и вести себя неразумно, я его побью, — Чжоу Сюэжун даже размахнулся кулаком, как ребенок.

Машина добралась до конца дороги, и снова повторилось то же самое: ни моря, ни домика на дереве не было видно. Вместо этого перед ними расстились густые дубовые леса, как у выхода из американского городка.

— Вот и все, — Чжоу Сюэжун открыл карту и, обращаясь к Сюй Минлану, сказал:

— Если я не ошибаюсь, кроме трех игровых зон, все остальные части Летнего королевства исчезли.

— Все исчезли? — удивился Сюй Минлан.

— Американский городок в основном состоит из ресторанов и торговых улиц, это место для отдыха и покупок. А вот здесь, — он указал на карту, — исчезнувшая зона — это водный мир, где основными аттракционами были скоростные катера и дайвинг, но это не совсем игровые объекты.

— И что из этого? — спросил Сюй Минлан.

— Площадь Летнего королевства сократилась, остались только зоны с аттракционами.

Уже было за два часа дня, и никто в машине не ел и почти не спал. Даже понимая, что опасность близка, все выглядели изможденными.

Зимой солнце садится рано, и, возможно, через три часа уже наступит ночь. Они должны были найти выход до наступления темноты.

Машина ехала по всем возможным направлениям, и в процессе все заметили, что территория Летнего королевства действительно уменьшилась. Они кружили по тем же трем игровым зонам, а все остальные места исчезли.

Летнее королевство превратилось в изолированный остров. Еще хуже было то, что Цао Цзин уже начала бредить, и Сюй Минлан, прикоснувшись к ее лбу, почувствовал, что она горит.

Не было ни больницы, ни аптечки, даже кровя, чтобы переночевать. В такой ситуации высокая температура была равносильна смертному приговору.

Остальные, конечно, понимали это, но никто не знал, что сказать. После трех кругов Сюй Минлан предложил остановиться и не тратить зря бензин.

Все согласились, и машина остановилась у стены зоны «Фантастическое путешествие». Напротив были другие дороги и несколько аттракционов. По сравнению с другими местами, здесь был хороший обзор, и можно было быстро заметить любое движение.

Каждый получил немного еды и воды, чтобы хоть что-то было в желудке, и один человек остался дежурить, сменяясь каждый час. Первым вызвался Мяо Фан, сказав, что недавно поспал и полон сил. Следующими были Чжао Дунсян и Юй Хаохуай. Чжоу Сюэжун и Сюй Минлан, обеспечившие еду и воду, получили право отдохнуть первыми.

Кроме Мяо Фана, все остальные устроились в машине и заснули. Сюй Минлан и Чжоу Сюэжун укрылись одной курткой и, засыпая, не обращали внимания на позы, почти обнявшись. Проснувшись, они обнаружили, что уже ночь, и снаружи был только тусклый свет фонарей, недостаточный для того, чтобы разглядеть что-то. В таких условиях дежурство казалось бессмысленным, и Сюй Минлан, не зная, кто сейчас на посту, окликнул дежурного, предложив прекратить наблюдение.

Ответил Юй Хаохуай. Среди окружающих его звуков дыхания он тихо сказал:

— Подумай о том, что я сказал днем.

Сюй Минлан в темноте посмотрел на лицо рядом с ним, некоторое время наблюдал, не шевелится ли оно, и тихо ответил:

— Нет.

После паузы Сюй Минлан, свернувшись калачиком, попытался снова заснуть, но Цао Цзин проснулась и, бормоча, сказала, что ей нужно в туалет. Юй Хаохуай вызвался помочь, словно забота о Цао Цзин тоже входила в его обязанности. Сюй Минлану это было только на руку, и он закрыл глаза.

Ночью стало еще холоднее. Юй Хаохуай, освещая путь телефоном, поддерживал дрожащую Цао Цзин, медленно продвигаясь по снегу.

— Ладно, далеко от машины отходить нельзя, тут и решишь, я отвернусь, — сказал Юй Хаохуай и действительно повернулся спиной.

Цао Цзин, хоть и слабая, не изменила своему характеру и заявила, что скорее умрет, чем будет справлять нужду на улице. Юй Хаохуай, не привыкший к таким капризам, сначала терпеливо уговаривал, но потом и сам замерз и разозлился, почувствовав, что ему тоже нужно в туалет. Включив фонарик, он начал искать указатели, надеясь найти туалет, чтобы не спорить с женщиной на холоде.

Им повезло: пройдя меньше ста метров, они обнаружили указатель на туалет рядом с небольшим искусственным холмом.

Юй Хаохуай оставил фонарик Цао Цзин, а сам зашел в мужской туалет. Они договорились, что после всех дел никуда не пойдут и не вернуться в машину, а встретятся перед туалетом и вместе пойдут обратно. Цао Цзин кивнула и зашла в женский туалет.

Полночь. Пустой парк аттракционов освещался лишь редкими фонарями. Аттракционы, которые днем приносили радость, теперь выглядели одинокими, словно их предназначение — постоянно двигаться, а не застывать в ночной тишине, что придавало парку ощущение дисгармонии.

Фонарь перед туалетом, словно подчиняясь атмосфере, мигнул дважды, и лампочка зашипела, как будто перегорая.

Сюй Минлан с трудом открыл глаза, чувствуя, что только что заснул, но в то же время будто проспал долго. Протерев глаза, он посмотрел в окно и обнаружил, что Чжоу Сюэжун исчез, оставив только куртку, которая все еще хранила тепло их обоих.

Схватив куртку, он выскочил из машины, не из любопытства, а из беспокойства. Пробежав несколько шагов, он увидел заметную фигуру Чжоу Сюэжуна, подбежал к нему и отдал куртку, спросив, зачем он один вышел.

Чжоу Сюэжун, увидев Сюй Минлана с растрепанными волосами и криво надетой курткой, поправил его одежду, застегнул молнию до подбородка и, пригладив его волосы, сказал:

— Просто осматриваюсь.

Сюй Минлан почувствовал, что с ним обращаются как с ребенком, и это вызывало у него странное чувство, но в глубине души он не был против. Он серьезно сказал:

— Это опасно.

— Ага.

Сюй Минлан понял, что значит «признать ошибку, но не исправлять ее», но, привыкнув к тому, что Чжоу Сюэжун никогда не расстается с большим топором, не удивился его самостоятельности. Такие люди, привыкшие к одиночеству, обычно имеют свою историю, и жить по его правилам было невозможно.